

Дмитрий Филиппенко

г. Ленинск-Кузнецкий

Барак

Я помню деревянный свой барак,
Посёлок Дачный. Детства акварели.
Трещало время, цвёл в стране бардак...
И как за десять лет мы не сгорели?

Троллейбусы шуршали за окном,
Наш дом трясло, но мы не замечали.
Сосед за стенкою по кличке Гном
Повесился от горя и печали.

Я вырос, у меня давно семья,
Своя квартира, во дворе осины...
Но помню, у дороги плакал я –
Сносили детство, мой барак сносили.

Девяносто пятый год

Я хороший, день плохой.
В плеере играет Хой.
Девяносто пятый год.
Задышается завод.

Я подстриженный под бокс.
Спит в розетке фумитокс.
Под зарплату рис, мука,
Сахара по три мешка.

А в деревне огород.
Баба ждёт, и деда ждёт.
Каждый вечер пироги
И рыбалка у реки.

Девяносто пятый год.
Загибается народ.
Черно-белая страна...
Без деревни нам хана!

Снега

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот — на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

Мечта

Когда мне было восемь лет
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, флейка,
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

Дмитрий Александрович Филиппенко родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Плавучий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), «Берега» (Калининград), «Байкал» (Улан-Удэ), «День и ночь» (Красноярск), «Отчий край» (Волгоград), Традиции&Авангард (Екатеринбург), «Начало века» (Томск), «Русское эхо» (Самара), «Веретено» (Калининград), «Культура Алтайского края» (Барнаул), «Гостиный двор» (Оренбург); в альманахах: «Между» (Новосибирск), «Часовые памяти» (Москва); в Литературной газете. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Автор пяти книг стихотворений. Член Союза писателей России. Проживает в Ленинске-Кузнецком.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

Я написал тебе крамольный стих.
Не делай вид, что ты меня не слышишь,
Когда гора сползает с плеч моих.
А поцелуй вкусней, когда на крыше.

Мне закрывала радугу зрачков
Лиловая вуаль твоих затмений
Мне не хватало розовых очков –
И я вставал на снег и на колени.

Услышь меня, как бурю в пустоте,
Люби меня в спокойствии и в шоке.
В избытке полюби и в нищете –
Целуй меня в мои седые щёки.

Седое время, словно тёплый свет,
Ложится на продрогшие деревья.
Мы с электрички, нас встречает дед,
И мы летим в студёную деревню.

В саях солома, старенький тулуп.
Укутаюсь в него, чтоб не замёрзнуть.
А бабушка уже готовит суп,
Пельмени варит, всё у ней серьёзно.

Промчались тридцать деревенских зим,
Продали дом, живут теперь другие.
Но снится мне – по снегу мы скользим,
И не напьюсь я этой ностальгией.

Картошка

В седьмом поту картошку я сажал,
Окучивал, копал. С тоской на велик
Смотрел. Но собирал я урожай.
А дед за мной подкапывал, не верил.

Трудились до последнего луча,
Хоть с братом были мы и раздолбаи.
«Таскаем в погреб!» – дед Митяй кричал.
А это значит, спины разгибаем.

Картофельная кончилась пора.
Теперь я не сажаю, не копаю.
Деревня снится каждое вчера,
Но я теперь картошку покупаю.

Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напьюсь... Судьба шахтёра.
Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матёрой.

Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни и без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром всё по новой.

Остановите шахту, я сойду.
И пересяду в мир с другою былью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.

В Сибири дождик пахнет черемшой,
Немного сеном, вредною крапивой.
И на душе свежо и хорошо.
Не запретишь в Кузбассе жить красиво.

Шахтерской лампы негасимый свет
Щекочет нежно пятки небосвода.
Хохочет дождь, его смешнее нет,
В Сибири дождь теплей и слаще мёда.

Дождь спрятался, проснулась тишина.
И заиграли радужные рыбки.
На солнышке родная сторона,
И светятся шахтёрские улыбки.